

О ПРИРОДЕ ДВУПЛАННОСТИ ТЕКСТА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Сразу следует уточнить, что понимать под двупланностью текста «Слова о полку Игореве». Речь должна идти, прежде всего, о соответствующих мнениях, суждениях, точках зрения исследователей «Слова», которые и выдвигают подобные критерии применительно к тексту памятника, и каждый по-своему отстаивает, аргументирует подобную концепцию текста «Слова о полку Игореве». Нужно признать, что подобный взгляд на специфику текста «Слова» отнюдь не эксклюзивен, напротив, его разделяют в своих трудах многие ведущие специалисты, филологи-медиевисты, в том числе Д. С. Лихачев, В. В. Кусков, Н. С. Демкова, А. Н. Робинсон, В. П. Адрианова-Перетц, Т. М. Николаева¹.

Важно обозначить статус текста «Слова о полку Игореве», как он видится сегодня практически всему сообществу ученых-славистов, вне зависимости от подходов, исследовательских школ и регионов: это книжный, авторский текст, обладающий оригинальностью, а не эпигонским характером, единством и цельностью, а не эклектичностью и компилятивностью. При этом, разумеется, данный текст широко открыт по своей природе, как и любой средневековый текст, широкому спектру взаимосвязей, взаимодействий, коррелятивности. Так, известная точка зрения Д. С. Лихачева: автор «Слова» — внимательный читатель «Повести временных лет»² — отнюдь не означает, что природа «Слова» компилятивна, но утверждает включенность его в текст литературной книжности Руси XI—XII в.

Собственно термин «двуплановость “Слова”» принадлежит Людмиле И. Боевой в ее работе «О жанре “Слова о полку Игореве”»³, где она в широко обсуждаемой в связи со «Словом» дихотомии фольклор/книжность, как, впрочем, и А. Н. Робинсон, Д. С. Лихачев⁴ и другие ученые, занимавшиеся этой проблемой, приходит к пониманию «Слова» как памятника книжного эпоса: «Двуплановость “Слова” словно переходная между фольклором и письменностью, но все же его знаковая система более типична для письменного героического эпоса, чем для былины, песенной стихии»⁵. Отвергая термин «двоеверие» применительно к специфике культуры Руси XI—XII в.⁶, нельзя не отвергать эклектику фольклорно-книжной природы жанра и поэтики «Слова», признавая единственно авторскую книжную природу текста «Слова» с его очевидной тягой к фольклорным и народно-культурным реминисценциям и интерпретациям. Если христианство Руси XI—XII в. «отталкивалось» от древнерусского язычества, утверждая свои новые для

¹ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 9–28; Кусков В. В. Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Комплексные исследования. М., 1988. С. 62–79; Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 33–76; Робинсон А. Н. «Слово о полку Игореве» среди поэтических шедевров средневековья // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 7–37; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // «Слово о полку Игореве». Сборник статей. М.; Л., 1950. С. 291–319; Николаева Т. М. Лингвотекстологические средства в «Слове о полку Игореве»: поле прошлого — настоящего и глубинные смысловые оппозиции // Scando-Slavica. 1983. Т. 28. С. 225–237; Николаева Т. М. Автор «Слова» — Боян // Wiener Slavistischer Almanach. 1987. В. 19. С. 5–14; Николаева Т. М. Оппозиция «туга—веселие» и «тьма—свет» в «Слове о полку Игореве» / Анализ фрагмента имманентной смысловой структуры памятника // Проблемы структурной лингвистики: 1982. М., 1984. С. 121–136.

² См.: Слово о полку Игореве / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950. С. 50.

³ Боева Л. И. О жанре «Слова о полку Игореве» // Старобългарска литература. София, 1987. Кн. 20. С. 112–119.

⁴ Робинсон А. Н. Закономерности развития средневекового героического эпоса и символика «Слова о полку Игореве» // Славянские литературы: VIII Междунар. съезд славистов. Доклады сов. делегации. М., 1978. Вып. 4. С. 150–165; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

⁵ Боева Л. И. О жанре «Слова о полку Игореве». С. 119.

⁶ Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве»: еще раз о двоеверии // Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. Вып. 1. С. 165–169.

Руси мировоззренческие и этические позиции, то новая книжность, оригинальная литература Руси «отталкивалась» от в широком смысле понятого текста своеземных народно-культурных традиций, а автор «Слова» в своем тексте — от опять же широко понимаемого текста Бояна как текста «старой мудрости». Как новая культура Руси XI—XII в. не страдает непримиримостью по отношению к старой, дохристианской, но спорит с ней, спорит остро и принципиально, так автор «Слова» не непримирим к наследию Бояна, но остро спорит с ним, с первых же слов произведения создавая отрицательный контекст антиномичного «не», — вслед за А. С. Пушкиным⁷ «не лепо ли ны бяшетъ, братие...» — «не пристало нам, братья...» (не будем, не хотим, не станем...). Образ Бояна как прием авторской поэтики «Слова» — ключевая позиция в двупланности текста этого без сомнения литературного, а не хроникально-документального произведения. Отсюда, в конечном счете, проистекают основные положения предложенной Д. С. Лихачевым концепции диалогического строения «Слова»⁸, связанной с «поэтикой повторяемости»⁹, как плоды научных размышлений того же Д. С. Лихачева по следам исследований повторов в «Слове», предпринятых Н. С. Демковой¹⁰ и В. Ф. Ржигой¹¹. Справедливости ради, следует сказать, что рассуждения о «бинарности» как структурной черте древнерусских литературных текстов находим еще в трудах Д. С. Лихачева 1960-х годов, в частности в его работе «К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв.»¹² в XX томе Трудов Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН с характерным названием «Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII вв.», а также в статье «Предположение о диалогическом строении “Слова о полку Игореве”» в сборнике «Исследования “Слова о полку Игореве”»¹³. С полным основанием можно утверждать, что концепция двупланности текста «Слова о полку Игореве» разрабатывалась задолго до появления важных в отношении рассматриваемой проблемы работ, выполненных в ключе структуралистской методологии, таких как, например, книга Б. М. Гаспарова 1984 г. «Поэтика “Слова о полку Игореве”»¹⁴ или ряд исследований Т. М. Николаевой, например статьи «Функционально-смысловая структура антитез и повторов в “Слове о полку Игореве”»¹⁵ или «Лингвотекстологический диалог: русские — половцы»¹⁶. Термин Т. М. Николаевой «антитеза-скрепа»¹⁷ в применении к анализу текста «Слова о полку Игореве» утверждает упомянутую двупланность этого произведения уже не с точки зрения популярной дихотомии фольклорность-книжность, но в плане композиционно-структурных особенностей текста, а также структуры авторского художественного сознания. Вспомним еще раз, что именно об этих чертах художественного метода литературы Руси, а соответственно, и о чертах структуры авторского художественного сознания средневековой Руси XI—XIII в. писал Д. С. Лихачев в упомянутой выше статье 1964 г.¹⁸ О коммуникативной и семиотической бинарности в композиции «Слова», о структурном соотношении языческого и христианского в соответствии с основными установками на двоичность, о диалогичности построения текста «Слова», о семиотической структуре противоположностей пишет в словарной

⁷ Фомичев С. А. Пушкин А. С. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995. С. 194–197.

⁸ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве». С. 9–28.

⁹ Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве»: К изучению композиции памятника // Русская литература. 1983. № 4. С. 9–21.

¹⁰ Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве» (К изучению композиции памятника) // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 59–73.

¹¹ Ржига В. Ф. «Слово о полку Игореве» и древнерусское язычество // Slavia. Praga, 1933–1934. Roč. 12. Seš. 3–4. S. 422–433.

¹² Лихачев Д. С. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. XX.

¹³ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве». С. 9–28.

¹⁴ Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000 (Первое издание: Вена, 1984).

¹⁵ Николаева Т. М. Функциональная структура антитез и повторов в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. С. 103–104.

¹⁶ Николаева Т. М. Лингвотекстологический диалог: русские — половцы // Труды по знаковым системам. Вып. 17. Тарту, 1984. С. 68–83. (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 641).

¹⁷ Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. М., 1997.

¹⁸ Лихачев Д. С. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII в.

статье «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»» В. В. Колесов (статья «Диалог в «Слове»») ¹⁹ со ссылкой на работы Д. С. Лихачева, Т. М. Николаевой, И. П. Еремина ²⁰.

Не случайно В. В. Кусков отмечал, что «средневековому мирозерцанию было свойственно удвоение мира», что «бинарность мирозерцания проявлялась в существовании двух жанровых систем (духовной и светской литературы), которые были связаны друг с другом и развивались в тесном взаимодействии» ²¹. Ученый придавал особое значение в оценке литературных произведений Руси «историко-дидактическому» ²² методу, понимая критерий **Урока** как ведущий момент в системе взаимодействия Автор—Читатель. В частности, тема поражения, гибели дружины Игоря в сюжете «Слова о полку Игореве» («А Игореве храброго пльку не кресити!», т. е. не воскресить) на фоне общих рассуждений автора о судьбах Русской земли в «Слове» ведет-таки к здравнице в финале произведения: «Здрави, князи и дружина, побарая за хрестьяны на поганья пльки!», но только через Урок «золотого слова Святослава» с укорами и наставлениями в адрес опрометчивых молодых князей Игоря и Всеволода.

Вообще, подход В. В. Кускова к специфике «Слова о полку Игореве», который также вполне вписывается в концепцию двупланности «Слова», отличается интересным и, на наш взгляд, весьма продуктивным своеобразием. Выявленный им **прием исторической ретроспективной аналогии** ²³ чаще всего «работает» на контрастной основе неких сопоставлений или соотношений, выводящих к категории Урока. В. С. Горский в статье «Антиномичность «Слова о полку Игореве»» ²⁴ (в весьма интересном сборнике 1990 г. «Слова о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи) особо отмечает, что «способом для выражения патриотической идеи становится не тема победы и торжества русских воинов, а именно тема поражения». Вслед за В. В. Кусковым киевский исследователь выводит средневеково-христианскую учительность Урока из характерной для «Слова» и многих произведений литературы Руси XI—XII в. двупланной контрастности «поражения — христианской победы»: «Внутренне противоречивый способ поучения посредством доказательства от противного, сочетания темы общественных невзгод с призывом к совершенствованию, — весьма типичен для древнерусской литературы. Он наглядно проявляется в летописной традиции, где, начиная с «Поучения о казнях Божьих», летописцы тщательно регистрируют разнообразные невзгоды воинов, неурожай, голод, пожары, землетрясения, разорения городов и сел — сочетая это с поучением о должном образе жизни. Убийство князей Бориса и Глеба, гибель Игоря Ольговича служат поводом для поучения о братолюбии, о необходимости достижения согласия между князьями...» ²⁵. К сожалению, В. С. Горский в своем интересном исследовании антиномичности, т. е. двупланности, «Слова о полку Игореве» забывает опереться на важные предшествующие разработки В. В. Кускова, но зато цитирует работу Д. С. Лихачева 1978 г.: «Поражение обычно служило в Древней Руси стимулом для подъема общественного самосознания...» ²⁶. Структурная и концептуальная двупланность, антиномичность, контрастные аспекты текста «Слова о полку Игореве» и других произведений ранней литературы Руси, конечно, не самоценны, но служат для авторов инструментарием духовной динамики, в том числе духовного Урока, выводящего к важнейшим в средневеково-христианской культуре мотивам духовной, христианской Победы. Прав В. С. Горский, когда отмечает специфику, онтологию двупланности древнерусского текста,

¹⁹ Колесов В. В. Диалог в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 110.

²⁰ Еремин И. П. «Слова о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста. М., 1997.

²¹ Кусков В. В. Характер средневекового мирозерцания и система жанров древнерусской литературы XI — первой половины XIII в. // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 1981. № 1. С. 4.

²² См.: Кусков В. В. Связь поэтической образности «Слова о полку Игореве» с памятниками церковной и дидактической письменности XI—XIII вв. // «Слова о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XIII вв. М., 1978. С. 69—86.

²³ Кусков В. В. Исторические аналогии событий и героев «Слова о полку Игореве». С. 68.

²⁴ Горский В. С. Антиномичность «Слова о полку Игореве» // «Слова о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. Киев, 1990. С. 5—15.

²⁵ Там же. С. 9—10.

²⁶ Там же. С. 10; Лихачев Д. С. «Слова о полку Игореве» и культура его времени. С. 11.

его антиномичности, контрастной природы: «Такая противоречивость значительнее самой, что ни есть, последовательной непротиворечивой ограниченности. Ведь благодаря таким творениям реально осуществляется прогресс в культурной истории человечества»²⁷.

Таким образом, исследования Д. С. Лихачева, В. В. Кускова, В. С. Горского, Т. М. Николаевой, Б. М. Гаспарова, других ученых, связанные с проблемой двупланности, антиномичности текста «Слова о полку Игореве», имеют непосредственное отношение к динамической специфике онтологической поэтики «Слова о полку Игореве». Сюда же следует отнести и указанные выше концепции «бинарности», «диалогичности», «повторяемости», прежде всего Д. С. Лихачева, но и многочисленные другие, например, концепцию своеобразного текстового эха, текстовой переключки, отзвука, предложенную А. Л. Никитиным²⁸. Однако в концепции «ретроспективной исторической аналогии» В. В. Кускова ярче и убедительнее всего поэтика двупланности древнерусского текста (в том числе «Слова о полку Игореве») органично сплавлена в русле историко-дидактического метода древнерусской литературы с критерием и феноменом динамично явленного духовно-нравственного Урока, не в последней степени мотивированного субъективной заданностью авторской литературной концепции конкретного древнерусского текста, например «Слова о полку Игореве». Пришедший из поэтики летописания прием ретроспективной исторической аналогии в «Слове о полку Игореве», памятнике не летописному, а поэтическому, но на литературно-исторической основе, приобретает особое качество и своеобразие. Очевидно, что автор «Слова» не был чужд летописной поэтике, хотя сам и не являлся летописцем, а его труд не может быть отнесен к летописному жанру. Тем не менее «Слово», безусловно, выполнено в свете определенного историко-дидактического задания и даже Урока, хотя соотносительность этого конкретного авторского Урока могла иметь совсем иного адресата и события, для которых Игорев поход 1185 г. и весь его «конвой» в литературно-историческом сознании автора «Слова» были не чем иным, как ретроспективной исторической аналогией.

Среди исторических аналогов Игорева похода как подвига дерзания и молодечества, закончившегося не только поражением, но и пленом руководителя похода, следует особо выделить поход молодого князя Владимира Всеволодовича 1215 г.²⁹ Характерно, что поход этого удалого князя состоялся вскоре после его свадьбы и включал две военные экспедиции: первую — успешную и повторную — закончившуюся трагично. Летописной повести об этих двух походах 1215 г. не существует, хотя старший брат Владимира Всеволодовича князь Константин, который был глубоко потрясен и опечален поражением и пленением младшего своего брата, по данным историка В. Н. Татищева, «писал дела старых князей», т. е. был древнерусским писателем-книжником (имел библиотеку более 1000 томов), непосредственно знакомым с летописной работой³⁰. Сам князь Константин был знаком не понаслышке с атмосферой военного похода в степь на половцев: в 1199 г. Всеволод Юрьевич и его старший сын Константин совершили поход в половецкую степь³¹, видимо, из своей вотчины Переяславля Русского, откуда затем в 1215 г. ходил в степь Владимир Всеволодович, княживший как раз в Южном Переяславле. Открытый В. В. Кусковым прием ретроспективной исторической аналогии позволяет предположить в Константине Всеволодовиче автора книжного эпоса «Слово о полку Игореве», созданного в русле диалогической поэтики повторяемости (Д. С. Лихачев), двупланности на всех ярусах текста, — исполненной боли и пристрастности литературно-поэтической реакции на драматические судьбы Русской земли и ее князей, спровоцированной психологически актуальной (но повторившей судьбу Игорева похода 1185 г.) историей поражения и пленения родного брата в

²⁷ Горский В. С. Антиномичность «Слова о полку Игореве». С. 14.

²⁸ Никитин А. Л. Наследие Бояна в «Слове о полку Игореве». Сон Святослава // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XIII вв. С. 112–133.

²⁹ См.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 438.

³⁰ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. III. С. 206.

³¹ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414–415.

1215 г. Интересны сопутствующие, но характерные для «Слова о полку Игореве» реминисценции свадебного фольклора и ритуала³². Они труднообъяснимы в абстрактном размышлении, но вполне мотивированны в свете реальных фактов биографии князя Владимира Всеволодовича в том же 1215 г., что и оба похода, включая злополучный, в половецкую степь. Отсюда же и тема Урока (ср. образ Святослава Киевского — эпический образ старшего князя, наподобие «седобородого Карла» в европейской «Песне о Роланде», о чем неоднократно писали исследователи³³), одновременно и укоряющего, поучающего, и возвышающего, прославляющего (о чем также много писали³⁴). Отсюда же и жанр «Слова» — не хроника, но книжный эпос с богатыми народно-фольклорными и лирическими реминисценциями. Написать «Слово» мог только мирянин, но, видимо, князь с весьма высоким образовательным статусом, как бы одновременно и филолог, и историк. Масштаб и диапазон исторической и филологической культуры Мономашичей был, естественно, невероятно высок: Всеволод, отец Константина, был сыном византийской принцессы, женат на Марии Шварновне, дочери воеводы-алана, служившего в латинских королевствах на Дунае. Образец высокой филологической и исторической культуры Мономашичей засвидетельствован известным «Поучением» Владимира Мономаха, без сомнения, хорошо знакомым князьям-потомкам этого выдающегося князя-писателя. «Поучение» Мономаха не только Урок жизни и жизненной философии Мономаха-христианина, но и как текст создавалось в рамках приема исторической ретроспективной аналогии — Мономах вспоминает, сопоставляет и учит опытом прожитой жизни как жизни князя-христианина. Так что именно Мономашичи, а не Ольговичи (которым упорно приписывают некоторые исследователи авторство «Слова о полку Игореве») располагали прецедентом авторства масштабной, одновременно эпической и лирической книжно-письменной литературной работы. Онтологическая дупланность текста «Слова о полку Игореве» необъяснима с точки зрения ее природы вне учета приема исторической ретроспективной аналогии, открытого в применении к древнерусским текстам и прокомментированного Владимиром Владимировичем Кусковым.

³² См.: Манн Р. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1986. С. 129–137.

³³ См.: Дынник В. «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде» // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. Отв. ред. Н. К. Гудзий. М.; Л., 1941. С. 48–64. См. также: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв. Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980.

³⁴ См. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени.

